

Том Кокс

Новый роман
Тома Кокса
о его большом
и шумном
кошачьем
семействе!

**БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ
ПУШИСТОГО ВИДА**

Том Кокс
Близкие контакты
пушистого вида
Серия «Кошки, собаки и их хозяева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35009736

*Близкие контакты пушистого вида: Издательство АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-982682-8*

Аннотация

Озорным Ральфу и Шипли, прелестной Роско и их бессменному вождю Медведю предстоят большие перемены – переезд из города в сельский дом в графстве Девон. Как они отнесутся к новым соседям: полевым, кроликам и черному пуделю Билли? Как скажется резкая смена обстановки на состоянии духа уже немолодого Медведя? И наконец, примет ли хвостатая банда в свои ряды нового разбойника – бело-рыжего бродягу Джорджа?..

Содержание

Кот. Народная сказка	5
Зима близко	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Том Кокс

Бликие контакты пушистого вида

Tom Cox

CLOSE ENCOUNTERS OF THE FURRED KIND

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Johnson & Alcock Ltd. и Andrew Nurnberg.

© Tom Cox, 2015 Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Джеку Линдси (покойся с миром)

Кот. Народная сказка

Давным-давно шли по темному лесу мужчина, женщина и кот. Шли они долго и очень устали. Опустилась ночь, и крошечная тьма решительно вступила в свои права, окутав лес черным покрывалом. Когда мужчина и женщина больше не могли ступить ни шагу стертymi в кровь ногами, они увидели на поляне каменную хижину. От прежних владельцев не осталось и следа. Мужчина вошел первым и обнаружил только грязный лоскут ткани, старую пивную кружку и полусгнивший огрызок яблока на земляном полу. В крыше зияла дыра, и лишь толстые жгуты плюща, обвившие хижину, как могли укрывали домик от непогоды.

– Здесь? – спросила женщина.

– Здесь, – кивнул мужчина.

Они устроились на ночлег в пустой, продуваемой всеми ветрами комнате, укрылись истрепанным одеялом и туниками. С холодной земли поднялся колдовской туман и спрятал лес за пеленой неизвестности.

Кот уселся в дверном проеме, прислушиваясь к уханью сов, но потом, заметив туники, примостился сверху. К восходу солнца он каким-то чудом захватил почти всю постель, а мужчина и женщина, хоть и были гораздо больше и почти не покрыты шерстью, забились в угол. Утром, заметив на туниках сухие листья, шерсть и комочки земли, мужчина про-

ворчал:

– Ах ты, чертов бродяга! И месяца не прошло, как мы постирали одежду.

Мужчина отправился на охоту и принес двух кроликов, а еще ведро прозрачной воды из быстрой речушки неподалеку, где берег был усеян поросшими мхом валунами.

Под скептическим взглядом кота мужчина и женщина освеживали, приготовили и съели кроликов. Остатки мужчина бросил коту, и тот почти увлеченно их обглодал. Женщина налила в миску чистой речной воды, но кот отвернулся и ушел пить из ржавой лохани за домом, в которой плавала всякая гадость.

Зимой обитателям лесной хижины пришлось несладко, но они терпеливо ждали прихода весны. Однажды вечером мужчина поймал еще трех кроликов, зажарил их на пышущем жаром огне и предложил коту бóльшую порцию, чем обычно. Кот принялся и взглянул мужчине в лицо, словно говоря: «Что, больше совсем ничего нет?».

День за днем мужчина и женщина усердно трудились, превращая лесную хижину в уютный дом. Мужчина ловил рыбу, а женщина в базарные дни носила ее в город, обменивала на глиняную посуду, молоко, масло, мыло и разные инструменты.

Мужчина рубил и строгал, работал молотком и стамеской, чинил старые стены и строил новые. Каждое утро кот, оглушительно мяукая и сшибая утварь с недавно прибитых

полок, будил мужчину и женщину до рассвета. По вечерам все трое собирались у костра. Женщина сочиняла стихи при дрожащих бликах пламени, мужчина так уставал за день, что мог лишь бездумно смотреть на огонь, а кот тщательно вылизывал свою шубку, словно его пригласили на исключительно важную кошачью церемонию. Ночью кот вольготно располагался на постели, оставляя листочки, шерсть и комочки земли на новых одеялах, сменивших туники. Бывало, он убегал в лес поохотиться, а потом приносил в хижину тушки мышей. В еде кот был непредсказуем: то предпочитал кроликов, пойманных к востоку от хижины, то – к западу. Мужчина и женщина не могли постичь истинных причин такой разборчивости.

Однажды утром в лесную хижину пришел гость – высокий человек с крошечными глазками на скуластом лице, похожий на хищную птицу. Он сказал, что служит у местного сквайра, который желает устроить в хижине охотничий домик, и готов заплатить за нее больше денег, чем мужчина и женщина видели в жизни.

– Даю вам три рассвета на размышление, – сказал гость, позвякивая монетами в кожаном кошелье. – Кстати, у вас к пятке мышинные кишки присохли, – неприязненно сообщил он мужчине.

Той ночью у огня мужчина и женщина надолго задумались. Они упорно трудились, строили дом, чтобы жить в нем и растить детей, но на деньги сквайра можно купить другой –

где угодно. В отвесах пламени они смотрели на свои руки, скрюченные и морщинистые, словно у глубоких стариков. И когда костер догорел, приняли решение.

Спустя несколько дней после заключения сделки в хижине устроили грандиозный пир, каких не видел ни один охотничий домик. Щедрый сквайр приказал доставить эль, вкуснейшие похлебки и свежезабитого дикого кабана. Это был не просто кабан, а Большой Джон, самый величественный кабан в лесу, на которого много лет охотились все стрелки в округе, а сквайр наконец завалил. Менестрель воспевал благородство хозяина и бранил разбойников, промышлявших в Зеленем лесу в прошлые столетия. Слуги сквайра танцевали с женщиной, но, насколько мог судить мужчина, вольностей себе не позволяли. Кот ел, как король, а потом разлегся на большом животе одного из свалившихся под стол гостей, бедолаги Эдгара, самого толстого из слуг сквайра. Пахло от Эдгара не очень приятно, однако кота это не отпугнуло, ведь он избегал лишь терпких ароматов, к тому же туника у Эдгара была необыкновенно мягкая. В разгар праздника кот весело гонял по хижине чью-то оторванную пуговицу. Увидев его за игрой, женщина разозлилась: когда-то она потратила не один час, сшивая из лоскутков мыш, которую кот равнодушно обнюхал и бросил.

Пирушка вышла на славу. Но на утро, отчасти из-за похмелья, мужчина и женщина не находили себе места. Как легко они отказались от дома, который строили с такой лю-

бовью, в обмен на презренный металл! Не дожидаясь, пока сквайр и его слуги проснутся, мужчина и женщина собрали немудреные пожитки и ушли в прохладное весеннее утро. Немного поодаль за ними шел кот. «Какой красивый, какой хороший у нас кот, – думали мужчина и женщина, – самый лучший кот на свете». А кот, уж если начистоту, не хотел никуда уходить. Его манили ароматы недоеденного мяса и воспоминания о мягкой тунике Эдгара. Однако, поразмыслив, кот заключил, что новые кормильцы станут бывать в хижине нечасто, а мужчина и женщина все же хозяева сносные. Особенно если вспомнить, как много на свете мерзавцев, ненавидящих кошек.

Со временем мужчина и женщина поселились в новом доме, где и вырастили детей. Денег, полученных за хижину, хватило ненадолго; к счастью, нашлись другие способы сводить концы с концами. Жили они не то чтобы долго и счастливо, потому что на самом деле так не бывает. Скорее, жизнь их была щедро сдобрена мгновениями истинной радости, которые яркими звездами сияли среди серых будней и тревог. И разумеется, у них был кот, а с котом легче и в горе, и в радости.

Что неудивительно, кот прожил множество жизней и повидал столько всего, что вам и не снилось.

Зима близко

Ранней осенью 2013 года, сидя на полу в гостиной у себя дома в Норфолке, я разговаривал по телефону с мамой, которая звонила из Ноттингемшира. Вся комната была заставлена картонными коробками, на одной из которых развалился мой большой пушистый кот Ральф.

– Думаешь, у тебя получится? – спрашивала мама.

– Конечно, – отвечал я. – Вещей немного, мы сэкономим кучу денег.

– И что, ты все перетащишь один?

– Нет, не один. Пэт Семидесятник поможет. Он крепкий парень, работал когда-то грузчиком.

– Рааааууууааальффф!

– И вы возьмете один фургон? Сколько туда влезет? Двое грузчиков – маловато, даже если твой Пэт сильный парень. Вещей наверняка больше, чем ты представляешь. Ох, наму-чаются вы.

– Рааааууууааальффф!

– Что ты сказал?

– Ничего. Это не я, это Ральф голосит.

– А, понятно.

– Рааааууууааальффф! Раааууууааааальффф!

– Как он там?

– Нормально. Волнуется что-то. Принес сегодня улитку на

спине.

– Опять? Это которая за месяц?

– Двенадцатая, наверное. В смысле, я видел двенадцать. Может, были и другие.

– Рааааууууууааальффффф!

Ральф частенько вмешивался в мои телефонные разговоры, особенно при обсуждении не самых приятных тем, как сейчас. Его вклад в беседу, как правило, ограничивался мяуканьем на все лады собственного имени. Когда кот считал, что обсуждение затянулось, он усаживался прямо на телефонный аппарат. Ральф всегда выражал свое мнение громко и безапелляционно, а в последнее время стал еще беспокойнее, по мере того как коробки все множились, а парочка его любимых столбиков-когтедралок, которые в старые добрые времена у меня хватало дерзости называть «стульями», перекочевала в благотворительный магазин.

Ральф щеголял бакенбардами, придававшими ему вид рок-звезды 1970-х годов, и, несмотря на зрелый возраст и популярность у моллюсков, сохранял озорство характера. В человечесьем обличье он, вероятно, носил бы бархатный пиджак и шелковый шейный платок. Ральфа ошибочно принимали за норвежского лесного или кота другой столь же благородной породы длинношерстных из непостижимого и взыскательного мира кошачьей генеалогии. На самом деле он был потомком дворовой полосатой кошки из Ромфорда и хулиганистого черного кота, о котором хозяева говори-

ли: «не пропускает ни одной мурки». С некоторой натяжкой Ральфа можно было назвать Тетфордским лесным котом. Так или иначе, это был самый красивый из моих котов, прекрасно осведомленный о своей привлекательности. Подобно настоящим рок-звездам, он славился вспышками раздражения: бродил по дому, карабкался на столы и шкафы, сбрасывал на пол вазы и цветочные горшки, ни на минуту не прекращая себя громогласно расхваливать.

В последнее время частота и интенсивность приступов дурного расположения духа заметно повысились. Вчера, например, кот завопил свое «Раааууааальфф!», взлетел с разбега на буфет, прокатился, как на скейтборде, по столешнице на конверте от пластинки редкой записи одной фолк-группы 1970-х, сбросил на пол груды дорогих моему сердцу пластинок, рванул через всю комнату к окну и смахнул с подоконника цветочный горшок.

Его тревога была мне вполне понятна. Не пройдет и недели – если, конечно, ничего не изменится, – и Ральфу придется покинуть дом, в котором он прожил почти десять лет. В этом кошачьем раю он правил, как король-хиппи с пушистыми бакенбардами. В некотором смысле Ральфу принадлежал весь дом, дом был его вотчиной, а остальные – я, моя подруга Джемма и еще три кота – Медведь, Роско и брат Ральфа, худощавый любитель посквернословить по кличке Шипли, – просто здесь жили. Ральф с важным видом расхаживал по залитым солнцем просторным комнатам, где ему

мешали лишь проволочная сушка для одежды, при виде которой он впадал в панику, и встречи с Шипли – того приходилось время от времени приводить в чувство точным ударом по морде белой пушистой лапой. Зеленый сад с озером за домом тоже принадлежал Ральфу и служил то игровой площадкой, то ночным клубом, то круглосуточным кафе, где подавали диких грызунов.

Были у Ральфа и враги, и соперники, но со временем они все пропали. Пабло, имбирно-рыжий противник в Великой четырехлетней кошачьей войне, давно съехал вместе с моей бывшей женой. Бездомные коты и кошки в нашем доме появляться перестали. И даже Алан, которого я когда-то подобрал на улице и который теперь счастливо жил у наших соседей Деборы и Дэвида, признал превосходство Ральфа. Майка, нашего последнего найденыша, которого мы с Джеммой довольно долго звали просто Зюзя, давно побила сама жизнь, и он больше ни с кем ни за что не воевал. Ральф был истинным хозяином дома, и такая жизнь ему очень нравилась. Кот искренне не понимал, с чего бы хозяин в здравом уме решил покинуть сей райский уголок.

В последнее время я и сам часто задавал себе этот вопрос. Виной всему были деньги. Короче говоря, деньги у меня кончились. Вот уже несколько лет я делал вид, что все не так плохо, но больше не мог себе позволить жить в доме, кредит на который не выплачен, и тратить кучу денег на электричество и ремонт. Джемма родилась в Девоне и очень скупа-

ла по родным местам. В Норфолке работы для нее не было, и она временно работала на юго-западе, где и проводила по две недели из четырех.

Прожив на одном месте больше десяти лет, я был совсем не против перемен. Хотелось чего-то нового, где-то далеко, может быть, жилья другого типа и в другом окружении. Но чем больше времени я проводил за мелким ремонтом и подготовкой жилища к продаже, чтобы представить его потенциальным покупателям с самой лучшей стороны, тем больше я влюблялся в мой странный, хаотичный дом, построенный в середине двадцатого столетия.

Конечно, протопить этот дом, который прежние хозяева окрестили Перевернутым, было чертовски сложно, а планировкой комнат он отчетливо напоминал провинциальную больницу 1960-х годов, но жили мы здесь счастливо и часто принимали гостей. В прошлом году мой сосед Дэвид обнаружил за домом палатку, а в палатке мертвецки пьяного незнакомца, который целился из ружья куда-то в озеро. Однако будем реалистами – наш мир полон опасностей. Можно найти другой дом, но не придет ли и там к вам в сад алкоголик, который с утра пораньше решил пострелять из духового ружья? Мне еще повезло, что у меня вообще есть дом – и очень симпатичный к тому же – в прекрасном графстве Норфолк. Поэтому, когда Ральф взобрался на книжный шкаф возле телефона, свесился с верхней полки и завопил свое обычное «Рааауууаальфф!», я ему искренне посочувствовал. Я и сам

был бы не прочь сесть рядом с котом и завопить «Рааауууа-альфф!», выпустив когти.

Стоило мне упомянуть о возможном переезде, как мама страшно разволновалась. Они с папой много раз меняли дома и квартиры, натыкаясь на всевозможные препятствия, и она была всегда готова поделиться опытом. Например, высказаться по поводу моего решения перевезти мебель и вещи из довольно большого дома с тремя спальнями и чердаком, заваленным всякой всячиной, не нанимая грузчиков, чтобы сэкономить, поскольку платить все равно нечем.

Помня об этой маминой черте характера, я решил сменить тему:

– Где отец? В саду?

– Да здесь я, – громогласно ответил папа, который, как всегда, подслушивал разговор по параллельному аппарату, готовый вставить в разговор свои нелогичные замечания, совсем как Ральф.

– О боже, – испуганно выдохнула мама. – Откуда ты взялся?

– Из утробы моей матушки в Ноттингеме в 1949 году, – ответил папа.

– Как дела? – спросил я.

– Мы с Флойдом охотились в полях. Негодник до сих пор не вернулся, похоже, землероек почуял. Он, когда добычу почует, у него такие глаза делаются...

Годовалый черно-белый кот-непоседа, мордой напоми-

навший страшилу Роршаха из «Хранителей», недавно вступил в подростковый возраст и перешел от детских игр с клубками ниток к серийным убийствам грызунов. Прожив несколько лет без кошек, отец, никогда не питавший нежных чувств к пушистым мурлыкам, неожиданно обрел во Флойде родственную душу. Они почти не разлучались, иногда принимая в свою компанию белого, словно призрак, кота Каспера из соседнего дома. Если папа взбирался на садовую лестницу, чтобы помыть окна или подстричь живую изгородь, Флойд лез за ним. Если папа ложился подремать в тени, в так называемом «компостном углу» садика, Флойд обязательно устраивался рядом. Если отец обнаруживал Флойда на своем стуле в мастерской, то не тревожил кота, а опускался рядом на колени или шел за неудобным деревянным табуретом в дальний угол комнаты. В мой последний приезд к ним в Ноттингем, увидев, как отец выгружает из машины сумки с продуктами, я даже удивился, что Флойд не тащит в зубах пакет копченых сарделек.

«Охотились в полях», – сказал папа, которому недавно исполнилось шестьдесят четыре года. Это было что-то новенькое. Скорее всего они гуляли по полю за домом; не знаю, что они там делали, но папа уж точно не охотился по-настоящему. Однако эти прогулки с котом, видимо, заполняли какую-то пустоту в папиной жизни, которая образовалась с тех пор, как мы с ним лет тридцать назад в последний раз сыграли в «Следопыта».

– Флойд остался еще поохотиться, а я вернулся нарубить дров, – продолжил отец.

– Так почему же ты здесь, вмешиваешься в наш разговор, вместо того чтобы рубить дрова? – задала очень логичный вопрос мама.

– Том, – сказал отец, будто не слыша маминых слов, – послушай, это очень важно. Я тебе рассказывал о Флойде и соседских овцах? Нет? Так вот, соседи завели овец, чтобы те подгрызали траву. Я вчера пошел за кукурузой, которую вырастил на участке Роджера и Беатрисы, а Флойд с Каспером увязались за мной. По-моему, они раньше овец не видели и здорово удивились. Один баран, огромный парняга, черно-белый, пошел прямо на них, серьезно так пошел. Флойд было полез с ним драться, но я ему сказал: «Не связывайся...» Там еще какие-то чужаки были, я одного застал в теплице, он кабачки компостом обкладывал.

– Слушай, Мик, – вмешалась мама, – мы тут говорили о переезде. Том не хочет нанимать грузчиков, думает все сделать сам. С ума сошел.

– Все адвокаты и нотариусы сволочи. Продавать дом – это кошмар. Хуже развода или даже смерти.

– Ты-то откуда знаешь? – спросил я. – Ты же никогда не разводился и не умирал.

– Знаю. Мне шестьдесят четыре года, и я с пяти утра на ногах.

– Я тоже с пяти утра на ногах, – ответил я, но последние

слова до моих собеседников не долетели, так как Ральф уселся на телефон и отключил его.

– Раааауууаааальффф! – сказал Ральф.

– Может, прекратишь это безобразие? – спросил я Ральфа.

– Рааауулллооо! – ответил мне Ральф.

Папа, конечно, прав. Когда мне было четыре года, я так тяжело заболел, что чуть не умер, а спустя тридцать лет пережил все прелести развода. Уж мне-то не надо было объяснять, что переезд несравнимо сложнее всего прочего. Мне приходилось менять жилье раз десять, не меньше, и я наивно полагал, что с нажитым опытом на этот раз все пройдет гладко. Самое сложное в одновременной продаже старого дома и покупке нового – правильно рассчитать время. Бегаешь, как ошпаренный, в поисках идеального дома, а потом дом твоей мечты покупает кто-то другой, потому что на твой собственный покупателей не нашлось. В данный момент мое финансовое положение не позволяло мне задуматься о покупке нового дома, и я был, к счастью, избавлен от заполнения бесконечных бумаг по оформлению недвижимости в собственность. Но чем дольше тянулось дело с продажей моего дома, тем сильнее я беспокоился. Я без устали просматривал объявления о сдаче в аренду домов в поисках такого же, в каком прожил последние десять лет жизни, однако постепенно убедился, что второго такого просто не

существует. Я читал даже самые старые объявления, уверяя себя, что был когда-то в каком-то пригороде дом со встроенными книжными полками, похожий планировкой на провинциальную больницу 1960-х годов, который за разумную плату сдавали семье с кошками.

В поисках нового дома я задавал себе всего два вопроса. Первый: «Понравится ли дом кошкам?» – и второй: «Нравится ли дом мне?» Если ответ на оба вопроса был положительным и дом нравился Джемме, можно было переходить к деталям. С таким подходом количество потенциально подходящих домов в моей ценовой категории резко сократилось. Честно говоря, несмотря на мое нежелание расстаться с Перевернутым домом, в глубине души я понимал, что нам с Джеммой переезд пойдет на пользу. Беспокоился я о кошках. Взять хотя бы Медведя – это наш пожилой поэт, любитель побродить при лунном свете, непонятным образом заключенный в кошачье тело. Медведю целых восемнадцать лет, он больше не втягивает когти, ходит покачиваясь, будто у него артрит, и если не сидит на балконе, то спит в старой картонной коробке, на которой я черным маркером вывел «отель «Котифорния»». Он приходит с балкона или выбирается из коробки («Можешь съехать из номера утром, но уйти – никогда...»), только чтобы побродить за мной по комнатам, так пристально глядя своими огромными зелеными глазами, словно задавая извечный вопрос: «Не могли бы вы объяснить, как это меня угораздило родиться в кошачьем те-

ле?» Будь он человеком, Медведь наверняка слушал бы рок-группу «The Smiths» и песни Леонарда Коэна. Относительно мыслей, бродивших в голове этого мурлыки, мнения разделились. Мы с Джеммой считали Медведя личностью интеллектуальной, склонной к сопереживанию, и полагали, что он целыми днями мучительно размышляет о несовершенстве мира. Мои родители, напротив, считали, что кот выжил из ума.

– Он совсем чокнулся, – объявил отец в свой последний приезд. – Шарик за ролики заехал.

Медведь достался мне от бывшей жены, а ей, в свою очередь, от бывшего приятеля. В молодости это был упрямый и своенравный кот, однако с возрастом характер у него сгладился. Медведь, совсем как известный актер Морган Фримен, нашел свое истинное предназначение только в зрелые годы. Мне сложно даже представить Медведя юным, таким харизматичным он стал в своем более мудром, философском воплощении. К восемнадцати годам Медведь превратился в вежливого, мягкого, слегка чудаковатого собеседника. Его кулинарные пристрастия лишь подкрепляли мою уверенность в том, что в шкуре старого кота заключен благонамеренный философ. Медведь любил брокколи – я никогда не видел котиков, которые с удовольствием поглощали бы зеленые капустные соцветия. Охота на грызунов и споры из-за территорий этого кошачьего патриарха не интересовали – он был выше подобных глупостей.

Каждый из моих котов выпрашивал еду по-своему. Ральф вопил коронное «Рааааууаалфф!», Шипли ругался, как сапожник, на своем кошачьем наречии и взбирался на мою ногу, как на деревянный столбик. Роско, единственная кошка в компании котов, танцевала по комнате на задних лапах и размахивала передними, словно приветствуя воображаемых партнеров по игре в воображаемый боулинг. Медведь подходил к вопросу кормежки более тонко. Он пристально смотрел мне в глаза, тихо и только один раз мяукал – «ми-яу!» – и кивал на кухонный шкафчик, где хранился кошачий корм.

В нашу спальню дорога кошкам закрыта – Джемме с ее астмой такое соседство по ночам противопоказано. Однако Медведя мы иногда пускаем, не в силах устоять против его обаяния. «Вы серьезно? Мне можно? – словно бы говорит старый кот, кружа по одеялу в поисках теплого местечка. – Право же... такая честь. Не нахожу слов». Ходит Медведь не так уверенно, как прежде, хуже слышит, но шерсть у старичка лоснится, да и к ветеринару в этом году его возили гораздо реже, чем остальных питомцев. В последний раз у Медведя проверяли щитовидную железу – он похудел, хоть ел, как всегда, с аппетитом – однако, судя по результатам анализов, кот вполне здоров, снова прибавил в весе и стал еще пушистее. Конечно, Медведь не будет жить вечно, но иногда мне кажется, что дождевая вода, настоящая при лунном свете, которую наш старичок лакает из лейки на балконе, – не ина-

че как эликсир вечной кошачьей жизни.

Обычно Медведь различает шаги агентов по недвижимости задолго до их появления в доме и растворяется в воздухе, но на этот раз, когда к нам пожаловали агент и фотограф осмотреть мои отремонтированные и избавленные от большей части мебели комнаты, старый кот не двинулся с места.

– Животных на снимках быть не должно, – заметив на кровати Медведя, сказал фотограф.

Интересно... когда я рассматриваю снимки домов, которые продают или сдают в аренду, мне больше нравятся картинки с кошками, свернувшимися на диване или нагло взирающими на гостей с кухонной столешницы.

– Но фотографировать этот дом без Медведя невыносимо! – хотел было протестовать я. – Медведь – наше главное достояние!

Однако, как вежливый до мозга костей англичанин, я покорно перенес Медведя на балкон, чувствуя себя предателем.

– Прошу прощения, – добавил фотограф, – я не против, если они где-то рядом, только дотрагиваться до них не могу.

Не знаю, кого он имел в виду – всех кошек вообще или исключительно умудренных опытом котиков-дипломатов, чьи глаза прожигают вам душу.

Ральф выводил все более замысловатые рулады на мотив собственного имени, Шипли ругался почему зря на своем кошачьем языке (подозреваю, что порой нецензурно), Роско

явно тревожилась, но чувствовал я себя преступником под укоризненным вопрошающим взглядом Медведя. «Ты решил переехать? После всего, что мы с тобой пережили?» – говорил его взгляд. Медведь многое повидал и многому научился: он знал, когда вовремя остановиться, пил дождевую воду, ел мясной фарш с брокколи, но у меня были все основания полагать, что именно счастливая жизнь в нашем уютном доме удерживала его на этом свете. Уж если перевозить куда-то моих мурлык, то в удобное для них жилище, без автомагистралей по соседству, зато с садом, с просторными комнатами, где всем хватит места. И еще лестница... Медведю с его больными суставами крутые лестницы были противопоказаны.

Все эти требования значительно сужали круг поиска нового жилья. Кроме того, владельцам кошек дома и квартиры сдавали теперь менее охотно, чем лет десять назад. Каждый раз, когда в разговоре с агентом я произносил «У меня кошки», казалось, я говорил что-то вроде «У меня огнедышащий дракон». У половины населения Великобритании дома по одной или по две кошки, но стоило мне заняться поиском съемного жилья, как наличие кошек низвело меня до уровня прокаженного.

– Один из моих котов не совсем кот, – пытался я умиловать собеседников. – Он, скорее, уменьшенная копия Дэвида Аттенборо¹, только в шубе.

¹ Дэвид Аттенборо – один из самых знаменитых телеведущих и натуралистов

Зато на мой дом покупатели нашлись на удивление быстро. Муж и жена, оба очень пожилые люди, медленно и серьезно бродили по дому и заднему двору, оглядывая и ощупывая мою собственность – деревянную фигурку лисы и лоскутное одеяло, подарок мамы, – как в театре абсурда, и спрашивали, продается ли вместе с домом обстановка. Спустя несколько дней они передумали и отказались от сделки, что меня ничуть не удивило. Поняли, наверное, что в их возрасте, а им исполнилось никак не меньше ста семидесяти каждому, жить в трехэтажном доме с садом на холме – не самое мудрое решение. Вскоре появились новые покупатели, более подходящие – семья служащих, которым надоела столичная суета. У них была рыжая кошка по имени Дорис, и они обожали интерьеры в стиле середины двадцатого века. Переехать они хотели как можно скорее. Прекрасно, замечательно, я очень рад, если бы только мы с Джеммой знали, в какое графство мы переезжаем, не говоря уж о доме, который будем снимать.

Поиски нового жилища мы начали с родного Джемме Девона – края быстрых прозрачных рек, нетронутых болот, древних лесов и скалистых обрывов на морском побережье. Природа этих мест очаровала меня много лет назад, но искать дом за три с половиной сотни миль от собственного жилища совсем непросто. Машину я продал еще полгода на-

в мире. Снял много популярных документальных фильмов о природе. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

зад, чтобы оплатить кое-какой ремонт, поэтому для поездок в Девон приходилось брать автомобиль напрокат. Аренда машин, поиски подходящих домов, переговоры с агентами – все это отнимало кучу времени, а конца и края моему приключению не было. Хорошие дома в Девоне быстро находили новых жильцов и хозяев, оставшиеся же не подходили по многим причинам: слишком дорого, слишком неудобно для кошек, слишком далеко от остановки автобуса (Джемма не водит машину и пользуется только общественным транспортом). Попадались и неухоженные строения с затхлыми комнатами. Время от времени я еще звонил нашему нотариусу, опасаясь потерять покупателей на свой дом из-за его лени. Чтобы поймать сигнал сотовой связи в холмах Девона, я взбирался на горбатые холмы и отвесные скалы, мой собеседник отвечал на вызов, однако вскоре связь обрывалась. Почему он сидел и смотрел на заявления и формуляры, которые я подписал и передал ему целых две недели назад? Он что, высиживал их, этот толстый петух в дорогушей рубашке?.. В конце концов я взял дело в свои руки и быстро оформил все документы, что оказалось не так уж сложно. Дом я продал, но нового жилья так и не подыскал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.